

Мир России. 2005. № 4

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

Г.А. ЯВЛИНСКИЙ

Введение. Исходная ситуация

В качестве исходной информации перечислим некоторые тезисы, которые позволят вести дальнейший разговор о необходимости нового общественного договора в России как условия долгосрочной экономической стратегии. Начнем с того, что развал коммунизма не был результатом победы Запада в холодной войне (во всяком случае, не в полной степени). Крушение коммунистической системы стало логическим завершением долгого и в значительной мере спонтанного процесса, происходившего в самом российском обществе и начавшегося как минимум еще сорок лет назад. Логика этого процесса до сих пор продолжает определять тенденции посткоммунистического развития и придает переходу к рыночной экономике характер институциональной непрерывности.

Институциональная непрерывность (в свою очередь) означает, что система стимулов, которая теоретически должна была быть встроена вместе с введением рыночной экономики, не работает так, как она должна работать в теории. Экономическая и политическая реформы не начинались с нуля. Новые правила игры и новые институты наложились на старые структуры экономической и политической власти, которые не только пережили крушение коммунизма за счет силы инерции, но и сыграли важную роль в разрушении прежней системы, и потому приобрели почти неограниченный контроль на посткоммунистической арене.

В результате экономика не освободилась от монополий старого советского типа, скорее монополии получили почти неограниченную свободу преследовать собственные цели за счет более крупных сегментов общества. Зарождающаяся новая система власти основывается на монопольном контроле над минеральными ресурсами, электростанциями и на перераспределении государственных средств. За счет контроля над движением денежных средств эта система также в значительной степени контролирует политическую систему страны и средства массовой информации. Вследствие такого широко распространившегося господства

групп влияния среди обычных граждан возникло чувство сильного разочарования в любых экономических и политических институтах, что во многих случаях нашло свое отражение в откровенном социальном нигилизме.

Далее (и это является важнейшим обстоятельством для России) крах коммунизма, вызванный спонтанным процессом, предопределенным институциональной непрерывностью общественного развития, привел к укоренению социально-экономической парадигмы, которая фактически блокирует дальнейшее продвижение в направлении общепринятой рыночной экономики. Двумя важнейшими факторами, стоящими за этой тупиковой ситуацией, являются рынки инсайдеров и природные богатства России. В условиях преобладания рынков инсайдеров (параллельная экономика и поддерживающая ее институциональная структура) свобода экономической деятельности привела к распространению стремления к максимизации прибыли с крайне ограниченным горизонтом. Инвестициям в реструктуризацию и в долгосрочный экономический рост препятствует сегментация рынка, оппортунистическое поведение, отсутствие надежной институциональной системы защиты прав собственности и, что важнее всего, отсутствие долгосрочных рынков капитала. Эта система держится на плаву за счет богатых природных ресурсов. Доходы от экспорта природных ресурсов и сырьевых материалов обеспечивают базу для краткосрочной максимизации прибылей и извлечения рентно-дотационных доходов, без чего не смогла бы выжить существующая экономическая структура. Структуры параллельной экономики и легкие доходы, получаемые за короткий срок в секторе добычи природных ресурсов, таким образом дополняют друг друга и являются очень серьезным препятствием для фундаментальных системных изменений.

Последнее обстоятельство представляется крайне важным для извлечения некоторых общих уроков из российского опыта. Во многих других частях света страны, тоже обладающие богатыми природными ресурсами, часто оказываются среди наименее успешных, когда дело доходит до проведения содержательных экономических реформ и достижения устойчивого экономического роста. Когда рушится прежняя институциональная система и страна вступает в период институционального вакуума, это неизбежно приводит к острому экономическому кризису. В странах, не столь хорошо обеспеченных природными ресурсами, кризис переходного периода так или иначе необходимо преодолеть в течение относительно короткого времени, так как это является вопросом жизни или смерти для народа такой страны.

В стране, обладающей богатыми природными ресурсами, такой как Россия, проблема выживания сразу не возникает. Наоборот, институциональный хаос создает условия для разграбления природных ресурсов, которые используются главным образом во внешнеторговых сделках в обмен на потребительские товары, что позволяет поддерживать определенный (конечно, всегда не очень высокий) уровень жизни. В результате возникает продолжительный промышленный застой, в течение которого не осуществляются долгосрочные инвестиции. Застой происходит и в политической системе, где сменяющие друг друга слабые правительства выживают за счет обслуживания интересов могущественных групп влияния, фактически контролирующих природные ресурсы. Таким образом, возможность разграбления природных ресурсов не только заглушает ощущение кризиса и дает чувство ложной удовлетворенности, но и создает сильные

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

стимулы для откровенно непроизводительной деятельности по извлечению дотационных доходов, при которой растрачиваются ресурсы, а также приводит к образованию полукриминальных структур власти. Из этого следует, что для стран, обладающих богатыми природными ресурсами, успех системных преобразований, скорее, может быть достигнут путем постепенной и вначале частичной, нежели радикальной и полной экономической либерализации, особенно в части внешней торговли, а также энергичными мерами в области промышленности со стороны правительства, а не политикой невмешательства в экономику.

Мимходом можно отметить, что щедрая помощь, оказанная Западом России на начальном периоде переходного процесса, по сути, сыграла ту же злую роль: она действовала как анестезирующее вещество, временно снимающее боль, но не излечивающее болезнь (а на деле позволяющее инфекции бесконтрольно распространяться). Процесс перехода к подлинно новой устойчивой системе тем самым увяз в приобретенных имущественных правах и дал парадоксальный результат, состоящий в том, что благоприятные уникальные возможности, предоставленные богатыми природными ресурсами и доброй волей международного сообщества, привели к худшему, а не к лучшему функционированию экономики и к низкой экономической и социальной эффективности.

Необходимость нового общественного договора

То, что необходимо российскому обществу, чтобы вырваться из порочного круга, в котором оно оказалось в ходе перехода к рыночной экономике, можно в самых общих чертах описать как *новый общественный договор*. Мы обсудим некоторые важные элементы, которые, на наш взгляд, могут войти в такой новый договор, а также, что не менее важно, те механизмы стимулирования, которые могли бы привести к его осуществлению. Начнем, однако, с общего описания предлагаемого нового общественного договора.

Несмотря на то что корни концепции общественного договора уходят, по крайней мере, на несколько веков назад, только развитие теории игр и особенно теории эволюционных игр в последние десятилетия дали этому понятию точное значение. Согласно одному из определений, данных в последнее время, общественный договор является «неявным саморегулирующимся договором между членами общества для осуществления координации в конкретном равновесии жизненной игры» [Binmore 1994, с. 35]. Для нашего анализа очень важным является понятие, заложенное как в данном определении, так и в общей концепции эволюционно стабильной стратегии в теории игр (см. [Smith 1982, с. 10]), в соответствии с которой любая более или менее сложная общественная игра включает множество возможных равновесных состояний. Выбор конкретного равновесия происходит путем повторяющегося взаимодействия «игроков» и в соответствии с принципом естественного отбора (выживания наиболее приспособленных). Рассмотрим классический пример выбора между левосторонним и правосторонним движением. Если вначале половина автомобилей будет двигаться по правой стороне, а половина по левой, то вероятность столкновения будет одинакова для обеих групп. В то же время, если (возможно, по чистой случайности) чуть больше половины водителей выберут одну из сторон дороги,

то вероятность столкновения для тех водителей, которые движутся по противоположной стороне, станет выше, и с течением времени они будут «выбиты» с дороги. Таким образом, окружающая среда «адаптирует» к себе тех индивидуумов, которые лучше приспособлены, даже если сами индивидуумы не делают при этом сознательного выбора (см. [Alchian 1950, с. 214]).

В случае с правилами дорожного движения в выборе конкретного равновесия нет внутренне присущей этому выбору эффективности или неэффективности (неважно, по левой стороне или по правой стороне принято ездить, важно только, чтобы по какой-то одной из сторон), однако во многих других случаях эффективность конечного результата в значительной степени зависит от того, какое конкретное равновесие выбрано. Координирующий орган (например, правительство) может также существенно уменьшить стоимость установления равновесия общественной игры (в случае автомобильного движения установлением правила, в соответствии с которым все автомобили должны двигаться по правой стороне дороги).

Крайне важна роль координирующего органа. Формальные правила или установления не могут *создать* никакого нового равновесия, которое уже не присутствует в структуре, лежащей в основе самой общественной игры¹. В то же время с их помощью можно *сместить* существующее равновесие с преобладающего менее эффективного в сторону латентно существующего более эффективного равновесия, предложив новые средства социальной координации. Для того чтобы иметь смысл, общественный договор должен быть саморегулирующимся. Правительство может способствовать введению правил дорожного движения путем координирующих объявлений, однако в конечном итоге принятие к исполнению правила о правостороннем (или левостороннем) движении обеспечивается осознанием того факта, что ваша собственная безопасность на дороге зависит от того, соблюдаете ли вы это правило или нет. Формальные меры, не основывающиеся на подобном рода неоформленном, но присутствующем в обществе еще *до введения формальных мер* согласия и, более того, не вбирающие в себя механизмы саморегулирования, как правило, не стоят даже той бумаги, на которой они изложены. Вся история посткоммунистической трансформации бывшего Советского Союза, в частности, представляет почти несчетное количество примеров законов, указов, письменных договоров и иных образцов институционального рвеня, оставшихся полностью не востребованными в реальной жизни. Это, конечно, не отрицает того факта, что формальное учреждение социального института может дать разительные результаты, особенно в течение длительного времени. Однако успех нового введенного института будет критически зависеть от силы социальных интересов, которые он призван организовать, и от его относительного положения в иерархии стимулов сравнительно с другими мерами (вне зависимости от того, институционализированы они или нет), которыми руководствуются частные лица.

¹ «Игроки не могут изменить игру, в которую они играют. Если создается ощущение, что это возможно, то это происходит потому, что сама игра неправильно оговорена» [Binmore 1994, с.27].

Общественный договор в России: прошлое и настоящее

Начнем с рассмотрения некоторых черт общественной игры, происходящей в России в текущий переходный период, с точки зрения общественного договора.

В течение веков общественный договор в России носил строго патерналистский характер, при котором всем (или почти всем) членам общества гарантировался определенный уровень благосостояния в обмен на абсолютное послушание их непосредственным начальникам в осуществлении экономических и политических планов, разработанных вышестоящими иерархическими органами. Коммунистическое правление хотя и коренным образом изменило структуру власти прежней царской России, но не смогло изменить саму природу управления российским обществом. Здесь гораздо более уместна прямо противоположная интерпретация: социалистическая «революция» была ответной реакцией на попытки введения нового общественного договора, при котором управляемые в большей степени рассчитывали бы на свои собственные силы и инициативу, нежели на благосклонность правителей. Такие попытки начались в России примерно с 1861 г., когда было отменено крепостное право, и продолжались, пусть с отступлениями, вплоть до большевистского переворота 1917 г. Большевики же (особенно в сталинские времена) вновь ввели в ход почти все элементы старого общественного договора, включая фактическое крепостное право. Рядовые граждане были «освобождены» как от права принимать решения в отношении самих себя, так и от ответственности за решения. Общественный договор того времени гласил: «делай то, что тебе говорят, а власть позаботится о тебе и о твоей семье». С учетом условий плановой экономики и тоталитарного государства такой тип общественного договора был единственно приемлемым и единственно возможным в коммунистической системе.

Однако задача любой ценой создать современную промышленную экономику и мощную военную машину заставила коммунистических властителей значительно повысить образовательный ценз населения. Они также не смогли полностью предотвратить доступ информации в Россию о жизни на Западе и о западных жизненных стандартах. Еще важнее то, что они не смогли предотвратить вступление своих служащих в глубокий конфликт с целями коммунистической системы. В России всегда (еще с царских времен) присутствовала определенная степень стремления получить что-либо даром и тенденция к сокрытию своей деятельности от системы, однако во времена правления коммунистов эти явления постепенно приняли характер полномасштабной параллельной системы, которая, как зеркальное отражение, была полной противоположностью официальной. Таким образом, система старого общественного договора постепенно разъедала себя изнутри и в конечном итоге перестала существовать.

Однако кончина старого общественного договора еще не привела к соглашению в обществе относительно того, какие формы примет новый общественный договор. Состояние, в котором оказалось российское общество после развала коммунистической системы, можно описать как состояние полной неразберихи. Среди рядовых граждан росло понимание того, что патерналистские отношения с государством закончились навсегда и что в будущем им придется рассчитывать

на собственную инициативу и предприимчивость. Очевидная неспособность правительства выполнять даже самые элементарные обязательства по отношению к фажданам (налогоплательщикам) и повторяющийся отказ от собственных обещаний только укрепляли это понимание.

С другой стороны, множество россиян не могут смириться с распадом патерналистского общественного договора, все еще надеются на возврат к нему в какой-то форме, наращивают требования к властям (центральным, региональным и местным). Даже несмотря на то, что во многих случаях эти люди достаточно отчетливо понимают, что их требования в рамках старого общественного договора не могут быть или, в любом случае, не будут выполнены, они упрямо отказываются подумать над альтернативными решениями своих проблем и часто впадают в своего рода коллективное неистовство, удивительным образом смешанное с политической апатией. Реальность экономических и социальных условий в России делает возвращение к общественному договору старого типа в высшей степени невероятной, однако отчуждение между различными социальными группами в серьезной степени затрудняет достижение нового социального согласия в обществе.

В то же время и сами правители, хотя они уже не обеспечивают народу более или менее приличный уровень жизни, в большинстве своем все еще лелеют надежду сохранить тоталитарную власть по отношению к народу и лишь освободить себя от ответственности. Это несоответствие между реальностью и ожиданиями, характерное для значительной части народа и правительства, служит основным источником конфликтов и разногласий и является главным препятствием на пути достижения согласия в отношении нового равновесия в общественной игре.

В результате такой неразберихи даже среди той части населения, которая первоначально приветствовала возможность получить экономическую независимость и искренне поддерживала идеи и правила экономической свободы и самостоятельности, растет разочарование в правительстве, которое умышленно затягивает отказ от тоталитарного контроля. Ясно, что многие элементы институциональной системы, характерной для общественного договора старого образца, остались в неприкосновенности, чтобы обеспечить личные интересы правительственных чиновников, которые нуждаются в юридической основе для получения рентно-дотационных доходов и для иной хищнической деятельности. Таким образом, новые фирмы и люди, в принципе предпочитающие новый общественный договор, обнаруживают, что они все глубже и глубже пофужаются в мир параллельной экономики, которая, в противоположность официальной экономической системе, предоставляет им замену нового хозяйственного устройства, хотя, как мы уже видели, эта замена носит очень фубый, а главное, неэффективный характер. Модель поведения, характеризующаяся цинизмом и неприкрытым оппортунизмом, равно как и полным отрицанием необходимости общественного сотрудничества за пределами узкого круга инсайдеров, во все большей степени создает «эволюционно стабильную стратегию» для этих социальных игроков.

И, наконец, относительно немногочисленная, но влиятельная группа ифкоков использовала существующую обстановку хаоса для упрочения своего личного положения путем приобретения еще более привлекательных активов и

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

установления собственной «корпоративной» формы общественного договора в отношении обеспечения прав собственности. Именно эту и, за небольшим преувеличением, исключительно эту группу отдельных частных игроков обслуживает правительство (будь то на федеральном или региональном уровне). Именно от этих игроков зависит благосостояние правительственных чиновников, да и продолжение существования самого правительства. Рядовые граждане практически выключены из этого корпоративного общественного договора, и им остается рассчитывать только на собственные силы (либо уйти в параллельную экономику, либо безуспешно требовать, чтобы корпоративные игроки выполняли свои обязательства по отношению к ним).

Таким образом, мы можем выделить несколько слоев социальной игры в современной российской экономике: практически полностью уничтоженный старый тоталитарный договор, в котором, однако, привилегированные круги бюрократии пытаются сохранить те элементы, которые позволяют им заниматься хищнической деятельностью; зарождающийся новый общественный договор, основанный на расчете на собственные силы и на свободе экономической деятельности, но лишенный какой бы то ни было институциональной поддержки и больше напоминающий джунгли, описанные Гоббсом, нежели современную форму социальной игры; и последний слой — это эксклюзивный корпоративный договор, количество игроков в котором ограничено группами влияния и бюрократическими группировками, которые демонстрируют чудеса «гибкости», используя сохраняющиеся элементы старой системы для приобретения (стяжания) ценных активов с целью упрочения личного положения своих членов наряду с элементами нового общественного договора, дающими им возможность бесконтрольно распоряжаться получаемыми доходами. Подобная сегментация социальной игры приводит к соответствующей сегментации общества и препятствует установлению стабильного равновесия. Эта сегментация является основным источником социальной неэффективности и приводит к чувству потери направления движения, которое в равной степени ощущают обычные граждане, правительственные бюрократы и политические лидеры.

Вполне реальными являются опасения, что продолжение нынешнего курса может в конечном итоге привести к полной утрате конкурентоспособности, отставанию страны, уходу навсегда в число слаборазвитых государств. Учитывая особенности России, ее размеры, характер границ, наличие природных ресурсов, геополитические последствия такого развития окажутся сокрушительными. Если не будет введен новый общественный договор, который будет определять основные правила не только в неформальном секторе экономики, но и в открыто выраженной социальной игре между государством и его гражданами, сила новых стимулов так и останется невостребованной, продолжится движение в опасную сторону, учитывая структуру российской промышленности и накопленные большие арсеналы оружия массового уничтожения.

Важнейшей задачей любого правительства, искренне желающего модернизировать, сделать современной российскую экономику и политику, является представление четкого проекта нового общественного договора. Осмысленные шаги в реформе не могут быть только шагами, предусматривающими те или иные благосклонные действия правительства, но шагами, которые должны быть основаны на понимании и симпатии к повседневной борьбе рядовых граждан в

существующей экономической, политической и социальной атмосфере в России и на понимании движущих ими стимулов. Все предыдущие реформы в России, начиная с реформ Петра I и заканчивая нынешними попытками перехода к рыночной экономике, проводились самонадеянными правителями, считавшими себя прирожденной элитой, отрешившимися от «безмозглых масс» и не принимавшими во внимание забот и нужд рядовых граждан. Реформы, проводимые только «сверху», неспособны привести к реальным изменениям в образе жизни и поведении людей и высвободить их созидательную энергию. Самонадеянность «поборников реформ» приводила и приводит к тому, что вместо благодарности они получали только ненависть рядовых граждан. Без мотивированного участия народа никакая реформаторская политика, будь то «радикальная», «поэтапная», «идеологическая» или «технократическая», никогда не будет иметь серьезных шансов на успех.

Основной чертой общественного договора в условиях рыночной экономики и демократического гражданского общества является то, что рядовые граждане («управляемые») принимают на себя ответственность за собственное благосостояние и за благосостояние своих семей, в то время как руководство («правители») ограничивают себя «протекционистской» деятельностью в понимании К. Поппера². В случае России от нового «протекционистского» государства потребовалось бы, во-первых, ограничить те свободы, которые наносят ущерб другим гражданам (например, свободу для групп влияния завладевать активами и перекачивать получаемые доходы на офшорные счета), и во-вторых, отменить все иные ограничения свобод, таким образом избавляясь от тех ограничений, которые были введены с единственной целью обеспечения личных доходов для членов правительственной команды путем получения дотационных доходов и коррупции.

² «Я требую от государства защиты не только для себя, но и для других. Я хочу, чтобы было проведено различие между агрессией и обороной и чтобы оборону поддерживала организованная власть государства... Я вполне готов к тому, что моя собственная свобода действий будет в определенной мере ограничена государством... но я требую, чтобы из вида не упускалась фундаментальная цель государства — я имею в виду защиту свободы, которая не наносит ущерба другим гражданам. Это означает, что я требую, чтобы государство ограничивало свободы граждан по возможности в равной степени, но не сверх того, что необходимо для достижения равного ограничения свобод» [Popper 1992, 1:109—110]. «Представление о государстве, изложенное здесь, можно назвать "протекционизмом". Термин "протекционизм" зачастую используется для описания тенденций, противоположных свободе. Так, например, экономист понимает под протекционизмом политику ограждения определенных промышленных интересов от конкуренции, а моралист понимает это как требование установления моральной опеки со стороны государственных чиновников над населением. Хотя политическая теория, которую я называю протекционизмом, не связана ни с одной из указанных тенденций, и, несмотря на то, что в своей основе это либеральная теория, я полагаю, что данный термин можно использовать для указания на то, что несмотря на свою либеральность, эта теория не имеет ничего общего с *политикой строгого невмешательства государства*, которую часто, но не совсем верно, называют политикой *laissez-faire*. Либерализм и вмешательство государства не противостоят друг другу. Наоборот, любые свободы совершенно очевидно невозможны, если они не гарантированы государством» [Там же, с. 111].

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

Из этого видно, что решение вопроса не может быть сформулировано в рамках большей или меньшей степени вмешательства государства. В каких-то случаях от государства требуется большая степень вмешательства, а в каких-то — определенно меньшая. Отдельной проблемой является создание условий, при которых государство не будет брать на себя неразумных обязательств перед своими гражданами и в то же время никогда не будет отступать от сделанных обещаний.

Однако политическая демократия на национальном уровне является лишь одной из составляющих в структуре стимулов, необходимой для создания благоприятных условий для перехода к новой форме общественного договора. Она должна дополняться содействием децентрализации как власти, так и финансовых ресурсов и строгим соблюдением демократических процедур на региональном и местном уровнях. В частности, Россия будет обречена на нестабильность и недостаточное развитие до тех пор, пока 80 % всех денежных ресурсов страны сосредоточены в Москве. Необходимо поощрять местные инициативы и предпринимательство, если мы хотим, чтобы от плодов экономического роста вкусили многочисленные региональные, социальные и этнические группы. Кроме того, самостоятельная ответственность предполагает самостоятельность в организации и самоуправлении, и этот принцип должен быть распространен до самых низов, т. е. до самых малых местных населенных пунктов, в то время как задачей федерального правительства будет обеспечение того, чтобы федеральный закон, единый для всех регионов, действовал как мощная интегрирующая сила.

Второй основной элемент нового общественного договора может быть введен вместе с институциональной структурой рыночной экономики. Это означает создание совершенно нового комплекса правил рыночной игры по сравнению с правилами, преобладающими в сегодняшней квазирыночной экономике. Эти новые правила предполагают решительный разрыв с наследием прошлого, когда административная власть стояла над законом. Частные фирмы должны регулироваться законом, а не правительственными чиновниками или местными баронами, которых не всегда легко отличить от главарей гангстерских шак. Власть нефтяных и газовых магнатов, которые получают громадные прибыли, используя природные богатства страны, должна быть урезана. Их деятельность должна стать прозрачной, подотчетной общественному контролю.

Для обеспечения возникновения устойчивого среднего класса должна возникнуть открытая рыночная экономика, основанная на частной собственности и конкуренции. Существующая система экономического управления, при которой большинство крупных предприятий управляется инсайдерами, должна быть в корне преобразована. Открытый бухгалтерский учет, соответствующий международным стандартам, является предпосылкой для контроля над коррупцией. Свободная конкуренция должна развиваться путем поощрения создания малых и средних предприятий и путем упразднения бюрократической волокиты и избыточного регулирования, стоящих на их пути.

Задача, не являющаяся сама по себе составным элементом общественного договора, но имеющая важнейшее значение для создания более благоприятных условий для сдвига в сторону нового равновесия социальной игры, состоит в том, чтобы приступить к реальному оздоровлению экономики, которое приведет к возобновлению экономического роста, созданию новых рабочих мест и источ-

Г.А. Явлинский

ников доходов. Крайне трудно убедить людей коренным образом изменить свое поведение, особенно когда таким изменениям противостоят крупные монополии, стоящие перед лицом экономического спада и уменьшения размеров социального пирога, который они могут получить. В 2003 г. ВВП в России, рассчитанный по среднему рыночному валютному обменному курсу, составил всего лишь чуть более 430 млрд долларов США (около 3 тыс. долларов США в пересчете на душу населения). Даже официальные расчеты паритета покупательной способности, проведенные Госкомстатом, дают цифру ВВП примерно равную 8 000 долларам США на душу населения — невероятно низкий уровень для страны, которая всего лишь пятнадцать лет назад была второй по мощности сверхдержавой в мире. Для того чтобы новый общественный договор приобрел серьезную привлекательность для людей, они должны быть в достаточной степени убеждены в том, что в будущем Россия станет сильной и процветающей страной.

Основной проблемой российских преобразований является то, что все необходимые шаги могут быть осуществлены только эффективным и имеющим сильную мотивацию правительством. Российское правительство, по большому счету, является техническим исполнителем политики наиболее крупных олигархических групп влияния, чьи интересы, как мы убедились, не требуют введения необходимых институциональных и структурных изменений. Вместо того чтобы порицать такое положение, мы склонны включить стимулы для самого правительства в предлагаемые нами схемы политических шагов. Как предупреждал К. Поппер, «совсем нелегко получить правительство, на чью добродетель и мудрость можно безоговорочно полагаться. Если мы согласны с этим, то возникает вопрос... *Как нам организовать политические институты таким образом, чтобы плохие или некомпетентные руководители не могли нанести слишком много ущерба?*» [Popper 1992, 1:120-121; курсив Г.Я.].

Мы считаем умелую и взвешенную децентрализацию власти и меры по осуществлению самоорганизации крайне важной частью нового общественно-го договора, при котором правительство будет служить народу, а не наоборот. Также, несмотря на то, что процесс демократической смены верховной власти имеет решающее значение для дистанцирования правительства от олигархических групп влияния, для того чтобы дать первоначальный толчок процессу реформ, необходимо одновременно создавать схемы эффективного стимулирования непосредственных исполнителей, государственных служащих, которые в долгосрочной перспективе увеличат их благосостояние и ограничат масштабы коррупции.

Полагаю, что осуществление проекта нового общественного договора, в котором государство играет лишь протекционистскую роль в том смысле, который вкладывает в это понятие К. Поппер, неизбежно встретит сопротивление крупных компаний и монополий. В частности, группы влияния на национальном и местном уровнях, а также связанные с ними политические лидеры, извлекающие немалые выгоды из существующего эксклюзивного «корпоративного» общественного договора, будут сопротивляться не только демократической смене власти, но и любым попыткам кодифицировать новую конкурентную форму общественного договора. В то же время конечный выигрыш в социальной и экономической эффективности, который принесет новый общественный договор, рано или поздно компенсирует даже их потери за счет создания новых

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

источников богатства, которые повысят уровень жизни всех граждан. В конце концов, ни в чьих интересах, и в том числе не в долгосрочных интересах «олигархов», до бесконечности сохранять существующее положение, чреватое столкновением между различными слоями участников социальной игры. У нас есть основания полагать, что многие руководители предприятий, бюрократы и даже политики в России не остаются полностью глухи к голосу разума. Их проблемой, равно как и проблемой большинства простого народа, является то, что в отсутствие эффективной общественной координации любая попытка действовать в соответствии с потенциально более эффективными правилами игры обречена на провал.

Работа на благо своих граждан и конструктивная роль в мировой экономике и политике будут правильным выбором для России. Ее новая экономическая и политическая система, конечно, будет содержать много сугубо специфических черт, но она должна вписываться в общий западный тип рыночной экономики и демократии. Дело не в том, что мы считаем западную систему идеальной. Проблемы Запада многочисленны и хорошо известны. Тем не менее, учитывая современное состояние российского общества, мы будем рады, если проблемы России хотя бы приблизятся по своему характеру к проблемам общества западного типа. Возможно, в течение какого-то времени Россия выживет и без всяких перемен, возможно, она просуществует еще семьдесят пять лет в нынешнем плачевном виде (конечно, существуют проблемы безопасности, хотя их обычно сбрасывают со счетов). Однако автор этой работы не хочет подобной судьбы для своей страны. Мы хотим, чтобы она была гордым членом цивилизованного, экономически и политически развитого международного сообщества, а не просто страной, удовлетворенной тем, что она освободилась от коммунистической системы. Молодое поколение россиян, не помнящее прежней системы, не будет благодарно своим предкам за смену коммунистического правления на новую неэффективную и коррумпированную систему корпоративного олигархического правления.

Противоречивые взгляды на издержки и преимущества демократии

Общим мнением экономистов, похоже, является то, что демократия дает лучшие результаты в экономическом и военном соревновании по сравнению с тоталитаризмом (см., например: [Olson 1993]). И в самом деле, в этом трудно усомниться, если рассматривать это утверждение в долгосрочной перспективе. Не так давно этот тезис был вновь подтвержден крахом коммунистической системы. В то же время из этого утверждения неясно, влечет ли политическая демократия экономический прогресс или наоборот. Существует также влиятельное интеллектуальное течение, утверждающее, что в краткосрочной перспективе взаимодействие между демократией и экономическим развитием более сложно и, в частности, что на ранней стадии экономического развития (или перехода к рыночной экономике) для экономической реструктуризации может быть полезна какая-то форма просвещенной автократии. Согласно этому мнению, которое в последнее время настойчиво проводится, в частности, Ст. Чунгом [Cheung

1998], в тех случаях, когда права собственности не являются четко сформулированными в рамках конституционного устройства общества (что соответствует действительности в переходных экономиках), демократия является мощным оружием в уничтожении прав частной собственности. Здесь мы рассмотрим обоснованность такого довода в российском случае, а также обсудим некоторые общие вопросы, относящиеся к развитию демократической политической системы в условиях экономики переходного периода.

Содержательный анализ, конечно, должен начинаться с определения того, что мы понимаем под «демократией». Ограничимся определением демократии как всего лишь института периодических, более или менее свободных и справедливых выборов. В знаменитой книге Й. Шумпетера демократия также определяется как «институциональное установление для принятия политических решений, при которых отдельные лица получают власть путем конкурентной борьбы за голоса народа» [Шумпетер 1995, с. 269]. Все остальные черты, обычно связываемые с демократией, такие как свобода личности, свобода слова и свобода прессы, как правило, могут быть следствием указанной конкуренции за голоса избирателей, но не обязательно следуют из нее в каждом случае.

В последнее время почти ритуальным в обсуждении связи между демократией и экономическими реформами стало упоминание Китая, где экономические реформы продвигаются более или менее гладко в отсутствие демократии. Этот пример приводят как антитезу российскому варианту. Однако, как мы уже видели, несмотря на попытки нарисовать такую картину, в России невозможно рассматривать ни экономические реформы, ни переход к демократии как сознательный процесс, разработанный правительством реформаторов. Россия, спотыкаясь, вступила в рыночную экономику и демократическую систему в результате сложного развития баланса сил между группами влияния, которые стали доминировать в стране в последние два десятилетия коммунистического правления. В той степени, в какой это утверждение справедливо, теряет смысл задаваться вопросом, был ли «выбор» политической реформы прежде экономической (в отличие от Китая) мудрым выбором или нет, так как с самого начала этот выбор был в очень малой степени сознательным. Кроме того, мы считаем, что уместным сравнением было бы не сравнение России и Китая, а, скорее, сравнение между сегодняшней Россией с существующей в ней (квази-)демократической системой, и той Россией, которой она могла стать, если бы экономические реформы осуществлялись без привнесения некоторых элементов демократии.

Во-первых, постановка вопроса о том, могла бы Россия реформировать свою экономику более успешно, не внедряя некоторые элементы политической демократии, представляется неверной. В России состояние экономики и политическая система связаны очень тесно, и ни политическая демократия, ни рыночная экономика никоим образом не были шагами со стороны великодушного правительства. Иными словами, если бы российские власти могли сообразить, как продолжить тоталитарное правление, они бы без сомнения продолжили его (что они в действительности и делают, как только полагают, что у них есть такая возможность).

Во-вторых, в той степени, в какой в России следуют демократическим процедурам, существует очень мало теоретических оснований и эмпирических

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

доказательств, чтобы предположить, что демократия как таковая может отвечать за выбранную в 1990-х годах экономическую политику. В этом смысле демократия определенно *не* является злом.

В-третьих, теоретические доводы и некоторые эмпирические свидетельства, накопленные на настоящее время, позволяют предположить, что некоторые элементы демократии, в той мере, в которой они существуют в России, во всяком случае до сегодняшнего дня, помогли направить процессы экономических реформ в сторону большей, а не меньшей, эффективности. Достигнутые результаты были крайне ограничены по своим масштабам (точно так же, как сама демократия в России носит крайне ограниченный характер со всех практических точек зрения), однако, учитывая то, что они вообще заметны, это недвусмысленно свидетельствует о том, что тоталитарные или даже авторитарные формы правления, осуществляемые российской олигархией, а именно она скоро уже десять лет находится во власти, давно привели бы уже в опасный тупик. Этот вывод остается справедливым вне зависимости от выбора системы ценностей, например от оценки демократии как ценности самой по себе.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что мы оцениваем российские политические реформы как успех. Российская демократия все еще очень слаба и непрочна, а ее правительство близко к состоянию полного краха. В то же время из событий, происходивших до последнего времени, можно предположить, что демократия является единственной надеждой для россиян улучшить свой уровень благосостояния. Рассмотрим теперь поочередно три темы, описанные выше, и начнем с анализа некоторых основных черт зарождающейся демократической системы в России.

Политико-экономические модели демократических выборов отличаются друг от друга в самых базовых оценках значения демократии для экономической деятельности. Согласно одному из подходов (см. [Wittman 1989]), «множество доводов в пользу того, что экономические рынки эффективны, в равной степени применимы к демократическим политическим рынкам и наоборот ...экономические модели провала политического рынка зачастую имеют не больше силы, нежели аналогичные доводы, объясняющие крах рынка экономического» [Там же, с. 1396]. Демократия дает эффективные экономические результаты, и «за каждой моделью провала политической системы стоит предположение о крайней глупости избирателей, серьезном отсутствии конкуренции или избыточно высоких издержках переговоров и передачи власти» [Там же, с. 1421].

Согласно другому мнению, демократический процесс не столь благодатен: «Политики авантюристичны, а избиратели наивны. Те, кто у власти, меняют свое поведение таким образом, чтобы казаться обманчиво хорошими в период выборов, и как кандидаты, так и те, кто у власти, дают нереальные и неискренние обещания» [Keech 1995, с. 3].

Рассмотрим сначала подход Уитмана, чтобы выяснить, может ли демократический политический рынок в России действительно исправить некоторые черты неэффективности, проистекающие из неограниченной конкуренции между группами влияния. Уитман защищает демократию по широкому фронту, но его основной довод можно свести к утверждению, что конкуренция среди политических деятелей, соображения сохранения репутации и система мониторинга приведут к тому, что у избирателей будет возможность получать информацию с

гораздо меньшими издержками, нежели предполагают те, кто думает, что избирателей можно легко одурачить. Таким образом, у избирателей будет возможность сделать правильный и разумный выбор без чрезмерно больших затрат времени и усилий на принятие решения. Точно так же учреждение законодательных органов приведет к значительному уменьшению общественных издержек на переговоры между различными слоями общества и группами влияния, а также к тому, что система извлечения и распределения остающихся рентных доходов будет, по крайней мере, «эффективно организована». В частности, говоря о конкуренции между группами влияния, Уитман утверждает, что демократические выборы резко уменьшают зависимость политиков от этих групп и что преимущества таких групп в сборе денег для политических кампаний преувеличены.

Свои доводы Уитман иллюстрирует примером, когда каждый из одного миллиона человек облагается налогом в один доллар, и полученная сумма делится впоследствии между тысячей человек, входящих в группу влияния. Даже в том случае, если сумма в один доллар недостаточна для того, чтобы налогоплательщики приняли решение пойти на издержки и организовать политически для противодействия такому налогу, ее будет достаточно, чтобы вероятность того, что избиратели проголосуют против политика, осуществившего такую схему, уменьшилась на 0,001, что делает всю систему не стоящей осуществления для корыстного политика, который хочет добиться избрания. Более того, «конкуренция за избрание на политический пост может заставить политического деятеля предоставить нужную информацию. Информацию о том, что «другая сторона является заложником особых интересов», нужно передать всего лишь небольшому кругу избирателей (например, десяти тысячам), чтобы добиться желаемого политического эффекта [Wittman 1989, с. 1408]. На наш взгляд, этот довод неубедителен, во всяком случае, если под политическим деятелем понимать лицо, которое действительно участвует в предвыборной гонке за избрание на политическую должность, а не пытается просто лишить кого-то победы на выборах в интересах неопределенной третьей стороны.

В частности, на наш взгляд, для политического деятеля в примере, приводимом Уитманом, не будет смысла распространять свою информацию лишь среди десяти тысяч избирателей, так как поддержка такого количества людей вряд ли обеспечит победу на выборах. Кроме того, дополнительное количество голосов, полученное «другой стороной», не ограничится одной тысячей голосов членов группы влияния. Политические пожертвования, полученные от группы влияния, могут составить большую часть от одного миллиона долларов, собранного для членов группы, и эти деньги могут пойти на политическую кампанию, которая более чем возместит потерю десяти тысяч голосов избирателей, среди которых соперничающий политический деятель распространил порочащую информацию. Например, сторона, которая получила существенное политическое финансирование от группы влияния, может развернуть собственную кампанию, порочащую соперника, причем в значительно больших масштабах. Российские политические деятели быстро обучились технике политического убийства соперников, в результате чего большинство избирателей в стране теперь полагают, что *все* стороны являются заложниками особых интересов, и просто не принимают во внимание такую информацию при решении о том, за кого голосовать. Для того чтобы иметь силу, довод Уитмана должен основываться на предположении,

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

что средства массовой информации являются достаточно независимыми и беспристрастными, чтобы противостоять любому давлению со стороны политических деятелей, обладающих большими денежными средствами и стремящихся опубликовать информацию, которая полезна для их политических кампаний. У нас есть серьезные сомнения в том, что такое предположение обосновано даже в странах с прочно установившимися и хорошо развитыми демократическими системами, не говоря уже о России.

Если отвергнуть такое предположение, то потребуются значительные политические фонды для того, чтобы распространить информацию о другой стороне среди круга избирателей, достаточно большого, чтобы обеспечить политическую победу. В терминах сравнения политических и экономических рынков это, несомненно, означает, что для небольших соискателей не будет бесплатного вхождения на политические рынки. Начальные издержки (стоимость вхождения на рынки) чрезмерно велики, а финансовые рынки, где кандидат мог бы занять деньги под будущий успех, неразвиты (во всяком случае, в таких странах, как современная Россия, где демократия находится на начальной стадии). Таким образом, точно так же, как в подобных случаях, описанных в экономической теории, мы вынуждены сталкиваться с серьезными последствиями с точки зрения эффективности результата. Например, согласно российскому закону о выборах, политик должен представить два миллиона подписей в поддержку своей кандидатуры только для того, чтобы зарегистрироваться в качестве кандидата в президенты. Во время кампании по выборам президента в 1996 г. широко освещалось, что каждая подпись стоила кандидату один доллар (в частности, как плата *сборщикам*, т. е. людям, собиравшим подписи), а в 2004 г. с учетом сложившихся политических обстоятельств, а также короткого срока и времени — Новый год и православное Рождество — цена подписи дошла до 2 долларов. Таким образом каждый кандидат должен был затратить от двух до четырех миллионов долларов еще *до начала* самой предвыборной кампании. Большинство политически значимых средств массовой информации в России полностью контролируются нынешней властной группировкой. Это является эффективным препятствием для проведения предвыборных кампаний политически и финансово независимыми кандидатами.

Уитман утверждает: «доводы, приводимые в пользу того, что избиратели плохо информированы, подразумевают, что основная стоимость поиска информации ложится на избирателя. Однако для информированного политического деятеля есть выгода в том, чтобы предоставить информацию избирателям... [Также] избирателю не надо много знать о действиях своего конгрессмена для того, чтобы сделать разумный выбор при голосовании. Для избирателя достаточно найти лицо или организацию/организации со схожими предпочтениями и попросить совета о том, как голосовать» [Там же, с. 1400]. Вторая часть этих рассуждений превращает выбор рядового избирателя в функцию от выбора группы влияния, оставляя ему единственную «свободу» «свободно» выбрать группу влияния, которая впоследствии будет взимать с него издержки против его воли (вне всякого сомнения, очень часто это является единственно возможным выбором). Что касается стоимости получения информации (первая часть рассуждений Уитмана), то еще более пятидесяти лет назад Шумпетер указывал, что «без инициативы, происходящей из прямой ответственности, невежество будет сохраняться

даже при наличии большого количества информации, какой бы полной и правильной она ни была... Типичный гражданин опускается на более низкий уровень мышления, как только дело касается политики. Он сам бы с готовностью признал свои рассуждения и анализ инфантильными, если бы дело касалось его подлинных интересов» [*Шуметер* 1995, с. 262]. Это особенно справедливо в отношении таких стран, как Россия, где гражданам приходится решать множество неотложных проблем, касающихся их подлинных интересов, но где, однако, абсолютное большинство людей не видит в настоящее время никакой связи между своим выбором и тем, что будет происходить с его жизнью.

В этой связи интересно рассмотреть некоторые общие модели выборной конкуренции, включающие роль групп влияния, а также «информированных» и «неинформированных» избирателей. Такие модели были разработаны в недавние годы (см., например, [*Denzau, Munger* 1986, *Baron* 1989, *Baron* 1994]). Каждая модель основана на собственных исходных посылах, но базовые их положения схожи. Избранные политики оказывают услуги группам влияния в обмен на пожертвования для предвыборных кампаний, возможно, в определенный ущерб себе, а неинформированные избиратели принимают решения в пользу того или иного кандидата под воздействием предвыборных кампаний, проводимых кандидатами. Таким образом, пожертвования на предвыборные кампании играют продуктивную роль, так как кандидаты борются за голоса неинформированных избирателей, собирая пожертвования с групп влияния и иных лиц. «Информированные» избиратели принимают решение о том, как голосовать, собирая информацию о политических позициях кандидатов. В этом случае кандидаты стоят перед конкурирующими стимулами, направленными на то, чтобы завоевать голоса как информированных, так и неинформированных избирателей. Предвыборная борьба приводится в действие этими стимулами.

Если количество информированных избирателей велико, то получаемые результаты близки к теореме о среднем избирателе: кандидаты ведут борьбу за голоса среднего избирателя, и это сближает их позиции, которые сводятся к середине политического спектра, что уменьшает роль групп влияния. Это более или менее соответствует ситуации, описанной Уитманом. В то же время большое количество «неинформированных» избирателей может «заставить кандидатов дистанцировать свои политические программы друг от друга так, чтобы услужить группам влияния и получить от них предвыборные пожертвования, которые могут быть использованы для увеличения количества голосов, поданных за кандидата неинформированными избирателями. Таким образом, наличие неинформированных избирателей и предвыборные пожертвования от групп влияния могут привести к поляризации» [*Wittman* 1989].

Последний случай, на наш взгляд, более адекватно описывает положение, существующее в современной российской демократии. Задача состоит в том, чтобы дать точный смысл понятиям «информированный» и «неинформированный» избиратель. Сами эти термины не очень удачны, так как они создают впечатление, что «неинформированные» избиратели ведут себя как-то «неразумно» или «глупо» (мысль, подчеркнутая Уитманом). В то же время нет оснований придавать более высокую степень разумности «информированным» избирателям по сравнению с «неинформированными».

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

Хорошо известный «парадокс избирателя» относится к главному вопросу о том, что мы имеем в виду, когда говорим о «разумном» выборе отдельного избирателя, за кого голосовать (и голосовать ли вообще). Один голос не имеет никакого значения для окончательного итога выборов. В этом смысле «все голоса *всегда* пропадают попусту, если их подают с целью повлиять на исход выборов» [Aldrich 1997, с. 378]. В таком случае единственно разумным поведением было бы вообще не голосовать, так как затраты на голосование не равны нулю. Иными словами, голосование вообще нельзя рассматривать как разумный акт. Однако если мы отказываемся от исходной посылки о разумности, то мы должны придать совершенно другое значение акту голосования рядовым избирателем. Выходом из этого затруднительного положения может быть предложение Олдрича воспринимать голосование как акт самовыражения и считать, что «принятое решение не является инвестиционным решением. Оно является актом потребления, актом выражения индивидуальных предпочтений» [Там же, с. 386]. Отсутствие прямой ответственности за исход выборов, как отмечал Шумпетер, часто приводит к некоторому безразличию избирателя к существенным вопросам — большинство электората последовательно (и вполне «разумно») игнорирует любую информацию о конкретной политической позиции, выбранной тем или иным кандидатом, и любые усилия политических деятелей донести до избирателей эту информацию не оказывают влияния на принимаемые ими решения.

Здесь уместно привести удивительный пример, имевший место в ходе президентских выборов в России в 1996 г. В ходе той предвыборной кампании находившийся у власти президент Б. Ельцин публично обещал погасить всю задолженность правительства по выплате заработной платы бюджетникам к 1 июня. Два тура голосования прошли в середине июня и в начале июля. Ельцин победил, а через два месяца, в сентябре, в различных регионах страны прокатилась волна забастовок бюджетников, требовавших от правительства погашения задолженности по выплате заработной платы, накопившейся с февраля. Наиболее поучительно здесь то, что забастовки прошли в тех регионах, где Ельцин набрал наибольшее количество голосов. Таким образом, голосуя за Ельцина, избиратели уже знали, что он не выполнил своего обещания (иначе вся заработная плата, по крайней мере по май включительно, была бы выплачена к моменту голосования), и тем не менее эта информация была ими полностью проигнорирована. Примерно так же обстояло дело и на выборах Путина в 2004 г.: люди голосовали за «стабильность и порядок», прекрасно уже зная, что произвол и коррупция в последние годы только нарастали. Можем ли мы из этого сделать вывод, что, голосуя за Ельцина, российские избиратели продемонстрировали «крайнюю глупость» или что на выборах было очевидное отсутствие конкуренции, как подразумевается в доводах Уитмана? Ответ — нет. Разница между «информированными» и «неинформированными» избирателями не что иное, как культурный фактор. Это разница в структуре предпочтений, а не в степени разумности избирателей. Как гласит «парадокс избирателя», избиратель, отдающий предпочтение кандидату за его прическу,

настолько же «разумен» (или «неразумен»), как и избиратель, отдающий предпочтение кандидату на основании предложенной им политической платформы. Теория демократии не может сказать, что «информированные» избиратели действуют более «разумно», нежели «неинформированные», точно так же, как

теория потребления не может сказать, что потребитель, предпочитающий на ужин бифштекс, более «разумен», нежели тот, кто предпочитает вегетарианское блюдо. Обладая крайне ограниченным опытом демократических выборов, российский народ проголосовал за Ельцина в 1996 г. не потому, что одобрял его политику или верил его обещаниям. Избиратели проголосовали за него потому, что считали, что таким образом они могут наиболее эффективно выразить свое предпочтение продолжению самой демократической системы, которая, по мнению очень многих людей, была бы поставлена под угрозу, если бы победил оппозиционный кандидат от коммунистов. Другие кандидаты из демократического лагеря, пытавшиеся представить серьезные конкретные альтернативы экономической и социальной политике, проводившейся администрацией Ельцина, не смогли убедить избирателей прежде всего потому, что многие избиратели не верили, что один дополнительный голос, поданный за оппозиционного демократического кандидата, может изменить исход выборов. Практически неограниченное политическое финансирование, осуществлявшееся, как мы полагаем, в основном из государственного бюджета, а также использование в полной мере влияния правительства на средства массовой информации позволило команде Ельцина развернуть предвыборную кампанию, которая по своим масштабам в сотни раз превосходила предвыборные кампании его соперников и которая оказала большое влияние на формирование предпочтений рядовых российских избирателей³. В результате передачи в руки групп влияния средств массовой информации, значительных государственных активов и бюджетных ресурсов в обмен на организационную и идеологическую поддержку в 1996 г. произошла существенная консолидация олигархической власти, нашедшая свое отражение в так называемой семибанкирщине⁴. Что же касается выборов 2004 г., то к этому времени сама процедура выборов превратилась в фарс в связи с отсутствием независимого арбитра на выборах, полного отсутствия независимых СМИ и возможности независимого финансирования оппозиционных кандидатов.

³ Хотя конкретные цифры не публиковались, стоимость ельцинской президентской предвыборной кампании 1996 г. оценивается как минимум в 500 млн долларов. Некоторые специалисты оценивают ее стоимость даже в один млрд долларов. (Для сравнения можно сказать, что стоимость предвыборной кампании Билла Клинтона в первом и во втором турах в том же году составила в целом 113 млн долларов.) Официально кандидат в президенты в России имел право потратить только 2,9 млн долларов на свою предвыборную кампанию, однако перерасход средств командой Ельцина не вызвал ни большого возмущения, ни начала судебного разбирательства.

⁴ Семибанкирщиной российские средства массовой информации окрестили коалицию семи возглавлявшихся банками ведущих финансово-промышленных групп, временно объединивших свои усилия для обеспечения переизбрания Ельцина в 1996 г. В то время «олигархи» использовали свое могущество для получения различных рентных доходов от правительства. Наиболее успешным примером является пример Онэксимбанка, который был щедро вознагражден переизбранной администрацией. Наиболее ощутимой наградой был перевод в банк акций Норильскникеля, крупнейшего производителя никеля в Европе, а также издание президентского указа, который первоначально давал новым владельцам налоговые и таможенные льготы на общую стоимость в несколько млрд долларов. Кроме того, в первом после выборов правительстве председатель банка был назначен на должность первого заместителя премьер-министра по экономической реформе.

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

Пока что в нашем анализе демократического института периодических выборов в России мы приходили к весьма печальным выводам. Мы были вынуждены не только отвергнуть представление о том, что свободные выборы способствовали ограничению власти групп влияния и ограничению экономической неэффективности, вызванной этой властью, но и сказать, что выборы и прямое использование государственных средств на широкомасштабную предвыборную кампанию ведут к усилению господства олигархических групп влияния. Мы не можем не сделать такого вывода в свете реального политического процесса, происходящего в современной России. Однако в долгосрочной перспективе положение может измениться.

Ключевым фактором, определяющим то, как будут развиваться события в будущем, является скорость, с которой демократическая политическая культура будет распространяться среди рядовых российских избирателей. В 1996 г. процесс перехода к демократии находился на самой ранней стадии (как и сейчас), и, возможно, естественным было то, что на первых свободных выборах, где ставкой была высшая власть в стране, избиратели уделили мало внимания конкретной информации, представленной различными политическими деятелями, и предпочли проголосовать за саму демократическую систему, которую в понимании избирателей в то время олицетворял действующий президент. В то время мы предполагали, что если в будущем выборы будут проводиться неоднократно и избиратели придут к выводу, что демократическая система пустила прочные корни, то можно ожидать, что их предпочтения станут более разнообразными. Одним из результатов, на которые мы надеялись в случае диверсификации предпочтений избирателей, — это уменьшение значения и влияния дорогостоящих предвыборных кампаний и увеличение количества «информированных» избирателей, делающих свой выбор на основании сравнения политических платформ конкурирующих кандидатов. Хотя от каждого отдельного избирателя и нельзя было ожидать, чтобы он осуществлял процесс принятия решения с точки зрения индивидуальной рациональности, очевидно, что рациональность социальной системы в целом в значительной степени возрастет по мере того, как все большее количество избирателей будут отдавать предпочтение кандидатам на основе конкретных, представленных ими политических предложений. Мы понимали, что первые выборы могут и не повлечь изменений в существующей структуре власти. Однако надеялись на то, что люди извлекают уроки из собственного опыта, особенно когда этот опыт свидетельствует об ухудшении экономического положения большинства населения и о растущем неравенстве в распределении средств и доходов. Оказалось, что отрицательный опыт выборов, после которых не происходит политических изменений, улучшающих благосостояние рядовых граждан, привел в значительной степени к разочарованию в самой демократической системе, что чревато опасностью погружения в политический авторитаризм, ведущий к усилению коррупции и насилию. Для предотвращения развития событий в таком направлении и для поощрения изменений в направлении более предпочтительной политической культуры Россия нуждается в укреплении гражданских и демократических институтов путем различных политических и экономических средств, которые нам предстоит сейчас обсудить. Однако прежде чем обратиться к этим вопросам, необходимо рассмотреть еще несколько проблем, относящихся к взаимосвязи между демократией и стимулами в переходной российской экономике.

Права собственности в переходный период и демократия в России

Основная причина, из-за которой демократическую систему в России нельзя назвать даже относительно установленной, лежит в осуществлении прав собственности в экономике переходного периода. Анализ связи между иерархическими правами собственности и политической системой показывает, что осуществление иерархической (или в более широком смысле корпоративной) системы прав собственности несовместимо со свободными и демократическими выборами. Тем не менее важнейшие права собственности в экономике переходного периода в России продолжают оставаться и осуществляться главным образом в рамках корпоративных правил политической игры, включающей группы влияния (олигархические группы влияния на национальном уровне и местные группы влияния на региональном уровне). Таким образом, по сути дела сохраняется основополагающая несовместимость между современной российской системой осуществления прав собственности и демократией.

Замена положения в иерархии коммунистической партии деньгами для предъявления законных притязаний на владение имуществом сама по себе мало что изменила в принципиальной основе требований на владение собственностью, так как деньги по-прежнему добываются главным образом за счет связей с политической иерархией. Кроме того, денежный обмен (и роль денег в утверждении притязаний на владение общественными активами) играет крайне ограниченную роль, так как существует полное слияние бизнеса и власти. Отличительной чертой российской экономики переходного периода является то, что политическое влияние может очень легко быть использовано для существенного изменения структуры владения активами, несмотря на то что на приобретение этих активов могли быть затрачены большие суммы денег. В той части переходной экономики, которая работает на основе денег, деньги служат мериллом силы притязаний владельца на активы, однако вся система в целом основывается не на конкурентной купле и продаже, а на механизме косвенного инвестирования в политические отношения. До настоящего времени не создана система гарантированной защиты прав собственности без прямого и постоянного участия третьих сторон, будь то правительство или частные охраняемые группы (очень часто состоящие из бандитов). Эта черта переходной экономики находится в вопиющем противоречии с общепринятой практикой конституционных государств, где независимая третья сторона служит только для определения основных правил рыночной игры и гарантирует права частной собственности от размывания.

До настоящего времени в официальной экономике как на национальном, так и на местном уровнях преобладает корпоративный, если не тоталитарный общественный договор. Элементы демократической системы, воплощенные в реальность к настоящему времени, оказались не в состоянии коренным образом изменить природу этой части общественного договора. В частности, условия, при которых успех в деловой активности все еще в значительной степени зависит от политических связей и доступа к лицам, занимающим высокое положение в государственной иерархии (на федеральном и местном уровнях), приводят к

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

созданию привилегированных групп, заинтересованных в сохранении существующего руководства. У них вызывает сильную аллергию сама мысль о том, что высшая власть может быть сменена путем свободных выборов. В принципе не изменившаяся природа этой части общественного договора, смазываемого большими инвестициями со стороны олигархических групп влияния, а также преобладание «неинформированных» избирателей, которые только осваивают азы демократической политической культуры, и стали главными причинами того положения, которое сложилось в стране к 2004 г. Влиянием этого общественного договора мы также можем объяснить многочисленные победы действующих губернаторов на региональных выборах. Олигархическая корпоративная система стремится упрочить свой контроль над политической властью, что представляет опасность разрушительных, непрерывных и неизбежных столкновений между отдельными ее частями и той ее частью, которая является в данный момент правительством, но также и с гражданскими демократическими структурами.

Защита демократии и содействие ее развитию дают все же проблеск надежды на изменение в будущем этого корпоративного государства, где царит тайный сговор между олигархией и правительством. Одним из возможных прорывов в этой ситуации может стать сам факт мирной и конституционной смены высшей власти в результате реальных выборов. Речь, конечно, не идет о передаче власти наследнику, как в 2000 г., либо об отсутствии выборов как таковых в 2004 г. и замене их на «всенародное голосование под управлением администрации президента». Если, несмотря на совместные имущественные права и интересы олигархических групп влияния, такой переход высшей власти станет возможным, то это само по себе нанесет мощный удар по корпоративной системе прав собственности и значительно продвинет вперед осуществление нового общественного договора в стране. Подобное преобразование власти на национальном уровне и новый общественный договор могут затем быть распространены с помощью правительства на каждый регион Российской Федерации. Теоретически мы можем представить себе и обратный путь — от новых общественных договоров на местах (полностью децентрализованная демократия) к новому общественному договору на национальном уровне, но, принимая во внимание природу российских политических традиций и сложность устройства российской системы промышленности, такое развитие событий вряд ли может быть реализовано на практике. В российском случае Еышнее руководство и рядовые граждане должны объединить усилия для создания новых правил социальной игры. В противном случае укрепившаяся власть корпоративных структур, стоящих между ними, возьмет верх над любой из указанных двух социальных сил, действующих по отдельности.

Главная причина, по которой группы влияния в российской экономике не могут отказаться от корпоративного общественного договора, состоит в том, что они не могут быть уверены в стабильности своих притязаний на активы (и на извлекаемые из них доходы) в случае смены высшей власти. Тем не менее существуют и другие механизмы, помимо авторитарной диктатуры, которые могут обеспечить стабильность результатов политики, проводимой группами влияния, и постоянное обслуживание их интересов даже при смене руководства. Одним из таких механизмов является принятие антиолигархического пакета законов, состоящего из трех основных частей.

Первое. С тем чтобы исчерпать возможность спекуляций на документах «смутного времени» середины 1990-х годов, необходимо принять законы об амнистии капитала, налоговой амнистии, вплоть до уголовной, исключая убийства и преступления против личности.

Вторая часть пакета относится к урегулированию отношений бизнеса и власти, и самое главное — отделению их друг от друга. Сегодня финансирование политических партий непрозрачно, бизнес прилагает немало усилий для коррумпирования различных решений в парламенте в самых прямых и грубых формах. При этом те общественные сферы, которые не имеют за своей спиной финансовых возможностей для такого лоббирования, оказываются в Думе в очень слабом положении. Следовательно, необходимо принять законы о прозрачности финансирования политических партий и транспарентном лоббировании в парламенте. К этой же части пакета законов мы относим и те, что создали бы основу публичного независимого общенационального телевидения, которого сегодня в России нет. Это позволило бы освободить СМИ от постоянного неприкрытого и наглого давления со стороны олигархов и власти. Возможно, было бы полезно также законодательно ограничить возможность участия в политике тех, кто играл активную роль в приватизационных процессах, сроком, например, на 10 лет.

Первое и второе являются необходимыми условиями для начала длительной работы по демополизации советской, а теперь и российской экономики. Необходимо принять антимонопольные законы и применить жесткое антимонопольное регулирование. Естественно, для проведения этих мер потребуется сильное и независимое правительство.

Другой такой механизм может быть обеспечен независимой судебной властью, которая будет толковать и применять законы в соответствии с первоначальным законодательным пониманием [*Landes, Posner 1975*].

Еще одним институтом, который может обеспечить стабильность законодательства за пределами срока полномочий любого отдельно взятого политика, является институт политических партий. Наличие стабильных и влиятельных партий дисциплинирует законодательную и исполнительную ветви власти и служит гарантией того, что после отставки политиков сделанные ими обещания не будут тут же забыты. Таким образом, развитая система политических партий является важной предпосылкой для отказа от неэффективного корпоративного общественного договора.

Из всего этого следует, что сложная задача системного преобразования России может быть сформулирована однозначно: либо корпоративные группы влияния на местном и национальном уровне одержат победу в битве с демократией и права собственности по-прежнему будут разграничиваться и осуществляться в соответствии с корпоративными правилами игры, что, в частности, закроет путь любому переходу к нормальной конкурентной рыночной экономике, либо демократия одержит победу в битве с группами влияния и создаст новую форму общественного договора, что является единственным путем к экономическому процветанию.

Как указывал К. Поппер, демократия предоставляет только возможность использовать разум в проведении реформ, но не сам разум. Что получится в России в результате первых экспериментов в проведении демократических свободных выборов, в значительной мере зависит от того, что Поппер называет

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

«интеллектуальными и моральными стандартами» ее граждан. В свою очередь, эти стандарты будут в значительной степени зависеть от опыта, почерпнутого этими гражданами из жизни при постсоветской системе. Более высокие интеллектуальные и моральные стандарты не могут быть гарантированы лишь временем, в течение которого существует система, считающаяся демократической. Здесь можно представить себе как положительный, так и отрицательный ход событий. В то же время, несомненно, имеет смысл бороться за установление и развитие демократической политической системы в России как крайне необходимого (хотя, возможно, и недостаточного) условия ее существования как суверенной и конкурентоспособной страны в XXI в. В частности, нам не следует беспокоиться о том, что демократия якобы ослабляет государственную власть — это не так; вместо этого мы должны быть обеспокоены тем, что отсутствие демократии позволит по-прежнему осуществлять корпоративные права собственности, унаследованные от полукриминальной приватизации середины 1990-х годов. Любое недемократическое решение проблем (подобное тем решениям, которые предлагают «реформаторы», приводящие в пример генерала Пиночета в Чили или генерала Пак Чжон Хи в Южной Корее) может привести в России к дальнейшему разрастанию коррупции, полицейского государства и чреватому распадом страны.

Роль демократии в России в переходный период

В полной мере развитая демократическая система, конечно, подразумевает нечто гораздо большее, нежели просто систему регулярных выборов. Не удивительно, что пока еще такая система крайне неразвита в России. Поэтому создание условий для ее развития на национальном, региональном и местном уровнях должно быть главным предметом заботы при разработке любых проектов нового общественного договора. В то же время можно однозначно утверждать, что те элементы демократической политической системы, которые к настоящему времени уже внедрены в России, способствовали продвижению в сторону рыночной экономики. Наиболее ярким примером является само начало перехода к рыночной экономике. «Воля народа» привела к мирному падению коммунистической системы, а огромная народная поддержка позволила отказаться от плановой экономики и всеобъемлющего государственного контроля над экономической деятельностью. Несмотря на множество ошибок в выборе политики реформ, эта общественная поддержка помогла до сих пор сохранять демократическую Конституцию 1993 г. (в которой, конечно, огромное число недостатков, но ее сохранение в нынешних условиях стало вопросом принципиальным). Приверженность (во всяком случае формальная) демократической риторике помогает сдерживать в какой-то мере автократические черты нынешнего правления, неоднократно проявлявшиеся как в подчинении государству средств массовой информации, так и в войне в Чечне и во многих других случаях.

Для того чтобы привести более конкретные примеры, можно взять историю с макроэкономической стабилизацией, которую администрация Ельцина неоднократно объявляла главным успехом своей реформаторской политики. На самом деле, как мы уже показали, это достижение не является бесспорным.

Но оставляя этот вопрос в стороне, в контексте взаимодействия экономики и политики важно то, что макроэкономическая стабилизация стала возможной в силу использования демократического механизма принятия решений, а не в силу его игнорирования.

Задача экономической стабилизации была заявлена уже в 1992 г., когда темп инфляции составил более 2 600 % за год. В 1993 г.

Положение было немногим лучше: темп инфляции составил 840 % в год (т. е., по существу инфляция была такой же, как в 1992 г., если из 1992 г. исключить первые два месяца после либерализации цен, когда на свободу вырвались цены, подавлявшиеся в течение предшествовавших лет государственного регулирования). Правительство обвиняло старый Верховный Совет в препятствовании политике стабилизации, и Ельцин пошел на откровенно неконституционный шаг, распустив парламент в 1993 г. и направив танки для того, чтобы заставить депутатов покинуть помещения Верховного Совета. В результате у правительства оказались развязаны руки для проведения в 1994 г. своей макроэкономической политики. Однако это не привело к ощутимым результатам в обуздании инфляционного давления. Хотя темп инфляции снизился до 215 % в год, это объясняется главным образом возникновением временного спекулятивного бума, поглотившего избыточную ликвидность. Совокупный финансовый дефицит в 1994 г. возрос до 12,1 % ВВП по сравнению с 9,8 % в 1993 г., и страна оставалась так же далека от достижения макроэкономической стабильности, как и раньше.

В нижней палате нового парламента (Государственная Дума), избранной в конце 1993 г., преобладали консервативные силы, настроенные против политики, проводившейся правительством. Тем не менее настойчивые требования нижней палаты, чтобы правительство, впервые с 1992 г., заранее представило Государственной Думе бюджет на 1995 финансовый год, как того требует конституционная процедура, дали положительные результаты, которых мало кто мог ожидать.

Закон о бюджете на 1995 г. был принят после длительной борьбы между правительством и бюджетным комитетом Думы. Однако в противоположность распространенному мнению о такой демократической «торговле» результатом переговоров стало не увеличение, а резкое уменьшение бюджетного дефицита на более чем 60 %. Дума также инициировала и приняла закон, регулирующий деятельность Центрального банка, в котором впервые Центральному банку недвусмысленно запрещалось выдавать прямые займы правительству для покрытия бюджетного дефицита. В законе также устанавливались строгие пределы, в которых Центральный банк мог приобретать облигации государственных займов на вторичном рынке. Таким образом, важнейшая предпосылка для финансовой стабилизации была создана не авторитарным правительством, пренебрегающим мнением избранного законодательного органа (как в 1992—1993 гг.), но впервые за всю историю в результате того, что правительство следовало конституционной демократической процедуре обсуждения и формального принятия закона о бюджете. С того времени такая практика сохранялась, несмотря на то что на парламентских выборах, состоявшихся в конце 1995 г., коммунистическая оппозиция еще больше укрепила свои позиции в Думе, и результаты, выразившиеся в снижении инфляции и банковских учетных ставок, являются в равной степени победой демократически избранного парламента и правительства.

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

В течение последних лет избранный парламент Российской Федерации принял еще ряд законов, которые имели огромное значение для постепенного создания основы для институциональной структуры рыночной экономики. Среди таких законов, помимо упомянутого закона о Центральном банке, следует отметить Гражданский кодекс, закон о соглашениях о разделе продукции и ряд других. Новые законы не только принимались Государственной Думой, они были инициированы и готовились ее комитетами. Таким образом, несмотря на частые утверждения об обратном, нижняя палата российского парламента достигла определенного прогресса в том, чтобы не стать пустой говорильней, где время от времени вспыхивают кулачные драки.

Многие положительные достижения нельзя отрицать. Российские граждане стали свободнее, чем за всю предшествующую историю. Они могут читать то, что хотят, могут путешествовать, высказывать свое мнение, отправлять религиозные культы и собираться вместе. Российские граждане быстро привыкли к этим свободам. Технический прогресс принес такие достижения, как Интернет, телефакс и особенно спутниковые мобильные телефоны. Это означает, что путем постоянного контакта с окружающим миром день ото дня Россия может двигаться вперед.

Тем не менее есть некоторые тревожные тенденции, которые могут принести большие неприятности в будущем. Даже выборная политика стоит на распутье, как и многое другое в России. По мере того как российские политические консультанты осваивают все больше трюков политических технологий, они объединяются с олигархами у власти и превращают выборы в России всего лишь в ширму для несменяемых олигархических правителей, где исход выборов predetermined заранее.

Демократические институты в России в целом развиты еще в меньшей степени, нежели ее система выборов. Как показывают многие примеры недавнего времени, система сдержек и противовесов неразвита, что делает страну уязвимой перед прихотями капризного руководителя. Законы часто не соблюдаются. Под предлогом осуществления быстрых радикальных реформ создана система, при которой многие законы принимаются путем почти единогласных голосований в искусственно созданном однопартийном парламенте. Президент и его команда практически сами принимают все решения, а Дума лишь штампует их. Это может и впрямь показаться самым легким и быстрым способом принятия новых законодательных актов, однако сама эта легкость и быстрота в значительной степени девальвируют законодательство, если принять во внимание тот факт, что возможность быстрого принятия закона подразумевает такую же возможность его быстрой отмены. Таким образом, интересы групп влияния оказываются связанными с конкретными политиками и используются все средства для того, чтобы эти политики как можно дольше удерживались у власти. Это не только оказывает отрицательное влияние на демократию, но и влечет за собой потерю определенной части ценности законодательства для самих групп влияния по сравнению с ценностью законодательства, принятого в ходе пусть более громоздкого, но менее персонализированного парламентского процесса. Тот же довод о стимулах может быть использован для обоснования того, что всем, включая группы влияния, в долгосрочной перспективе будет жить лучше, если судебная

ветвь власти будет менее зависима от исполнительной власти, нежели сейчас (см. [Landes, Postier 1975] для подробного обоснования этого важного тезиса).

Ни одна успешно действующая демократия не может существовать без того или иного вида системы политических партий, хотя бы даже в силу приводимого раньше довода о стимулах, однако попытки взрастить такую систему в России не принесли ничего, кроме разочарования. Хотя в самой Думе существуют различные политические фракции, утверждающие, что 'они проводят ту или иную деятельность на региональном уровне, подлинной системе политических партий в России еще только предстоит развиваться. Во-первых, после семидесяти лет правления Коммунистической партии россияне относятся к политическим партиям с понятным скепсисом. Действия президентов после 1991 г. также сыграли немалую роль в подрыве развития системы политических партий. Отрицая связь с любой из партий, президент действует так, словно партии и партийное строительство играют второстепенную роль в укреплении демократии. Президент принимает помощь близких ему по духу партий, когда это ему политически выгодно, и отрекается от них, когда связь с ними становится невыгодной. Таким образом, ни одна из партий не является правящей партией, и группы влияния вынуждены сосредоточивать свои усилия по извлечению дотационных прибылей на одной личности. Это может быть очень удобно для сохранения личной власти президента, но приводит к экономической неэффективности, не говоря уже о том, что это опасно для политической системы.

Российские средства массовой информации также вызывают только горькие чувства. Россияне утратили возможность выбора из разнообразных источников получения информации. Не существует политически значимых, т. е. влияющих на людей, оппозиционных газет, журналисты не имеют возможность проводить журналистские расследования и высказывать собственное мнение. Неофициальные политические лидеры очень редко появляются на экранах телевизионных каналов и не могут объяснить народу свои позиции. За последние несколько лет средства массовой информации попали под полный контроль государства. К сожалению, русская служба радио Свободная Европа/Радио Свобода по-прежнему остаются главными поставщиками беспристрастных новостей в России, точно так же, как это было во времена Советского Союза.

Подводя итоги, можно сказать, что перед российской демократией лежит долгий путь. На основе накопленного до настоящего времени опыта мы можем с уверенностью сказать, что нет признаков того, что развитие демократии отрицательно сказалось на скорости и темпах экономических реформ. Наоборот, когда якобы «реформаторское» правительство пыталось проталкивать собственную политику, либо пренебрегая мнением парламента, либо оказывая давление на него, результатом становился откат в переходе к рыночной экономике. Совершенно определенно российская демократия не была повинна в экономическом кризисе. На самом деле она помогла смягчить отрицательные последствия кризиса, которые могли бы иметь гораздо большую силу. Это случилось не только потому, что политические свободы являются своего рода компенсацией экономических трудностей, но и потому, что демократия содействовала (пусть даже и в самой малой степени) решению некоторых практических вопросов.

Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии

Современное состояние российской демократии не дает гарантии, что она сегодня или даже в обозримом будущем будет играть роль эффективной противодействующей силы господству групп влияния и тенденции к укоренению периферийного капитализма.

Главная надежда на то, что демократия может сыграть свою роль в экономических реформах в России, основывается на том факте, что только свободные политические дебаты и рост политической культуры рядовых граждан, равно как и развитие других демократических институтов, таких как независимый парламент и независимая судебная власть, политические партии и свободная пресса, гражданский контроль над спецслужбами, справедливые выборы, решительное отделение бизнеса от власти, могут изменить нынешний опасный курс экономической политики. Это в интересах всех членов российского общества, включая долгосрочные интересы членов господствующих в настоящее время групп влияния. Таким образом, проблему в целом можно рассматривать как необходимость создания эффективного координационного механизма, а может решить эту проблему только развитие демократической системы со всеми обеспечивающими ее институтами, как это происходит в других промышленно развитых странах.

Литература

- Alchian A.* Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. № 3.
- Aldrich J.* When It Is Rational to Vote? // *Perspectives on Public Choice: a Handbook* / Ed. by D. Mueller. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Baron D.* Service-Induced Campaign Contributions and the Electoral Equilibrium // *Quarterly Journal of Economics*. 1989. Vol. 104. № 1.
- Baron D.* Electoral Competition with Informed and Uninformed Voters // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. № 1.
- Becker G.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Binmore K.* Game Theory and the Social Contract. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1994. Vol. I. Playing Fair.
- Cheung S.* The Curse of Democracy as an Instrument of Reform in Collapsed Communist Economies // *Contemporary Economic Policy*. 1998. Vol. 16. № 2.
- Denzau A., Munger M.* Legislators and Interest Groups: How Unorganized Interests Get Represented // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. № 1.
- Keech W.* Economic Politics: The Cost of Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Landes W., Posner R.* The Independent Judiciary in an Interest-Group Perspective // *Journal of Law and Economics*. 1975. Vol. 18.
- Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. № 3.
- Popper K.* The Open Society and Its Enemies. London: Routledge, 1966 (*Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992).
- Schumpeter J.* Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Unwin, 1987 (*Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995).
- Smith J.* Evolution and the Theory of Games. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Wittman D.* Why Democracies Produce Efficient Results // *Journal of Political Economy*. 1989. Vol. 97. № 6.